

**ТРАНСГРАНИЧНЫЕ
КЛАСТЕРЫ
В ПРИМОРСКИХ ЗОНАХ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ
РОССИИ:
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ,
ТИПОЛОГИЗАЦИЯ,
ИДЕНТИФИКАЦИЯ
ФАКТОРОВ
И ПЕРСПЕКТИВ
РАЗВИТИЯ**

*А. Г. Дружинин*¹

*В. В. Горочная*¹

*Н. В. Гонтарь*¹

*И. А. Дец*²

*С. С. Лачининский*³

*А. С. Михайлов*⁴

¹ Южный федеральный университет, 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105.

² Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 664033, Россия, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1

³ Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

⁴ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 09.07.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-2

© Дружинин А. Г., Горочная В. В., Гонтарь Н. В., Дец И. А., Лачининский С. С., Михайлов А. С., 2017

Представлены результаты инвентаризации и типологизации экономических кластеров (уже сформировавшихся и находящихся в стадии становления), локализованных в приморской зоне Европейской части России. Установлено, что процессы трансграничной кластеризации приоритетным образом проявляют себя в приморских регионах на Балтике (из 56 идентифицированных исследованием кластерных образований 9 локализованы в Калининградской области и 8 — в Санкт-Петербурге и Ленинградской области). Охарактеризованы важнейшие имманентные приморским зонам катализаторы (повышенная в условиях приморских зон «плотность» экономики, близость к зарубежным рынкам, большие транспортно-коммуникационные возможности и др.) и ингибиторы (геополитические риски, институциональные барьеры и др.) кластерной самоорганизации. Показано, что потенциал и перспективы трансграничной кластеризации предопределяются не только интеграционно-деинтеграционной ритмикой в глобальном и региональном масштабе, но и спецификой геополитического и геоэкономического соседства тех или иных участков побережья, их инфраструктурной обустроенностью, хозяйственной и культурной аттрактивностью ведущих приморских урбанистических центров, культивируемой в них предпринимательской и инвестиционной средой.

Ключевые слова: экономический кластер, приморская зона, трансграничный кластер, трансакваториальный кластер, Европейская часть России, Балтийский регион

Введение

В России приморскими являются 23 региона и 166 муниципальных районов и городских округов; непосредственно на побережье локализованы 74 урбанистических центра, функционируют 49 значимых для страны морских портов, а также иные многочисленные объекты морехозяйственного комплекса, размещена инфраструкту-

ра пяти оперативно-стратегических объединений Военно-морского флота Российской Федерации. На протяженных морских рубежах страны (в первую очередь, в Арктической зоне, в Тихоокеанской России) сложились и устойчиво функционируют масштабные акваториально-территориальные хозяйственные комплексы [1]. В существенной мере «приближены» к морю (не только пространственно, но и экономически, селитебно) и крупные, своими «фасадами» выходящие на побережья структуры Европейской части страны: Северо-Западный федеральный округ («центрированный» на самой мощной в России приморской городской агломерации — Санкт-Петербургской — и включающий уникальный для нашей страны приморский регион-эксклав [2; 3]), Юг России (в этом макрорегионе в пределах 200-километровой доступности от побережья проживает 67% его населения). В данном региональном контексте решение любого рода социально-экономических вопросов, включая и конструирование «новой географии экономического роста», зафиксированной в «Стратегии национальной безопасности России» (2015) в качестве приоритета [4], немыслимо вне достижения эффективного баланса векторов «континентализации» и талассоаттрактивности [5]. А это, в свою очередь, инициирует последовательные усилия по дальнейшему формированию, обсуждению и реализации междисциплинарной повестки исследования морской проблематики [6], включая и такую первостепенную задачу, как мониторинг экономического кластерообразования в приморских зонах, в том числе во взаимосвязи с транснациональной, трансграничной активностью. Непосредственной целью данной статьи в этой связи стала инвентаризация и типологизация трансграничных кластеров в приморских зонах Европейской части России, а также выявление факторов и особенностей их локализации и развития.

Трансграничный кластерогенез в экономике: специфика приморских зон

Кластеры (в том числе трансграничные) представляют собой одну из базовых форм организации современного хозяйства [7—16], характеризующую такими атрибутивными признаками, как определенная степень однородности, однопорядковости основного числа элементов, их сверхсуммативная эмерджентность и пространственная концентрация при высокой степени автономности составляющих, а также внутрисистемном балансе конкуренции и сотрудничества [1]. В контексте усиления глобальной взаимозависимости именно через механизмы кластеризации на региональном и местном уровнях реализуется императив повышения экономической эффективности и конкурентоспособности [8], и это сочетается со способностью кластеров обеспечивать потребность в дополнительном ресурсе информационно-технологического, производственного, торгово-логистического взаимодействия и кадрового обмена, прирастающем в случае активизации трансграничных контактов между составляющими кластера, расположенными по разные стороны границы [11; 12].

Активное проникновение кластерного концепта развития региональной экономики в российский научный, деловой, управленческий оборот, с одной стороны, стало частью общемировой тенденции и позволило осознать уже фактически разворачивающиеся процессы кластерогенеза. С другой — кластерная концепция в ее различных трактовках сформировала особое видение направлений и перспектив регионального развития, стала системообразующим элементом, повлекшим за собой как самоорганизующиеся процессы «снизу», так и административные директивы по целенаправленному формированию кластеров [17], отраженные на различных уровнях территориального управления [18], в том числе в нормативно-правовой и стратегической документации [19].

Приморские зоны, являя собой (в том числе потенциально) пространство повышенной насыщенности межорганизационных (особенно трансграничных и трансакваториальных [20]) контактов и отличаясь (при прочих равных условиях) опережающими темпами экономического развития [6], не только располагают наиболее благоприятными условиями для экономического кластерогенеза, но и особым образом (благодаря морским портам и сопряженной с ними инфраструктуре) «предрасположены» к локализации трансграничных феноменов и контактов, к генерированию эффекта политрансграничности.

Наиболее существенные факторы (наблюдаемые в том числе и в приморских зонах России), способствующие трансграничной кластеризации, можно обозначить следующим образом:

— повышенная экономическая, институциональная, транспортно-логистическая, потребительская и демографо-экономическая «плотность»;

— дистанцированность от внутриконтинентальных экономических «ядер» страны и наибольшая (транспортно-экономическая) приближенность к экзогенным центрам современной геоэкономики; своего рода экономическая биконтактность (включенность как во внутрисистемные, так во внешние по отношению к национальной экономике отношения и процессы, что порождает позиционные характеристики «двойной периферии», полизависимости);

— насыщенность информационной среды, в том числе повышенные возможности для трансмиссии тацитного знания посредством деловых коммуникаций и кадрового обмена;

— более жесткие конкурентные условия за счет сравнительно легкого проникновения внешних конкурентов и одновременно — наличие более благоприятных организационных условий для интеграции в международные структуры и выхода на международный рынок;

— нестабильность развития, более частая смена режимов функционирования экономических объектов, равно как и смена «правил игры» при осуществлении трансграничного взаимодействия (как следствие — изначальная потребность в поиске дополнительных внутренних и внешних источников стабильности, а также относительно более быстрое накопление опыта);

— бóльшая детерминанта экономического развития геополитическим контекстом, наличием военно-силового блока;

— особая роль в экономике приморской зоны «морской составляющей» (сегмента экономики, трансграничного по своей сути), ядром которой выступает портово-логистический комплекс (как правило, интегрированный в глобальную систему морских перевозок).

Характерно, что сама «морская» и «приморская» экономика также становится полем кластеризации [21], индуцируя данный процесс в смежных отраслях. При этом, как свидетельствует наработанная авторами по всем 14 приморским регионам Европейской части России аналитика, процесс трансграничной кластеризации (обретая множество инвариантных проявлений и форм) наиболее масштабно и последовательно разворачивается на территориях, не только в наибольшей мере «притягивающих» население, инфраструктуру, хозяйственную активность, но и выполняющих миссию важнейших геоэкономических «коридоров» страны, ее ведущих инновационно-коммуникационных центров.

Типологическое многообразие кластеров в приморских зонах

Механизм идентификации кластеров и потенциальных кластерных образований изначально должен носить многосторонний комплексный характер, сочетающий методы экспертной оценки, анализа статистических показателей (как прямых, так и расчетных; в территориальном разрезе и динамических рядах) с изучением стратегической и договорной документации групп предприятий, способов их взаимодействия и позиционирования на внутреннем и внешнем рынках, наличия кластерного самосознания и сложившихся форм институционального представительства и агрегирования интересов. Основывающийся на методических подходах как зарубежных [22], так и российских [1] исследователей многофакторный анализ позволил произвести идентификацию и инвентаризацию сформировавшихся и потенциальных кластеров приморских регионов Европейской части России. Комплексная методика идентификации кластерных образований включила в себя, наряду с фиксацией кластеров, имеющих официальный статус и регистрацию, анализ нормативной документации кластеров, выстраивающих собственное экономико-правовое пространство без организующей роли государственных проектов. Также был осуществлен статистический анализ динамики экономических субъектов по профильным отраслям всех рассматриваемых регионов, включая численность малых и средних предприятий, экономический объем их деятельности. На основе информационных ресурсов предприятий была произведена качественная оценка степени интенсивности межорганизационной интеракции (включая трансграничную, трансакваториальную), а также динамики процессов укрупнения-разукрупнения предприятий в секторах с выв-

ленной повышенной организационной плотностью (в том числе мониторингу подверглись процессы приобретения производственных мощностей за рубежом, реализация крупных инвестиционных проектов совместно с зарубежными инвесторами).

Среди качественных параметров, составляющих матрицу базы данных, фигурировали такие показатели, как: отраслевая принадлежность; характер талассоаттрактивности; значимость кластера для региональной экономики; степень его сформированности (оцениваемая на основе интенсивности межорганизационного взаимодействия, а также реальных конкурентных условий сосуществования субъектов кластера); наличие официальной регистрации и институциональных форм представительства групповых интересов; особенности территориальной структуры и четко обозначившихся «ядер притяжения»; наличие портовых комплексов, обслуживающих кластер (либо собственных портовых и судоремонтных мощностей, образовавшихся в результате диверсификации или вертикальной интеграции предприятий), а также структурообразующих (либо потенциально усиливающих кластерогенные тенденции) организаций науки и образования, обслуживающих базовое производство кластера; характер сложившихся трансграничных и трансакваториальных связей.

Представленный многофакторный качественный анализ позволил идентифицировать в приморских регионах Европейской части России 56 сформировавшихся и потенциальных кластеров, группируемых в четыре основные типологические формы на основе комплексного выявления корреляционных взаимосвязей между фиксируемыми значениями качественных параметров кластеров (как в региональном, так и в отраслевом срезе, а также для групп кластеров, имеющих различную степень и характер институционализации и организационной оформленности).

К категории *морехозяйственных («первичная производственная талассоаттрактивность»)* уместно отнести 25 кластеров, формирующихся в таких в отраслях, как судостроение и судоремонт, оказание портово-логистических услуг, рыболовство и рыбоводство, «приморский» туризм, а также в сфере добычи полезных ископаемых (наряду с извлечением энергоносителей на шельфе сюда может быть отнесена и ведущаяся в приморской зоне разработка янтаря).

В последние годы процессы кластеризации динамично протекают в рыболовстве и рыбоводстве, судостроении и судоремонте (включая военно-промышленный комплекс), портовом хозяйстве; они приурочены преимущественно к регионам Европейского Севера и Северо-Запада страны и иницируются, с одной стороны, госзаказом (с явным акцентом на г. Санкт-Петербург, Ленинградскую и Архангельскую области при обретении «подчиненного» статуса другими портовыми и судоремонтными центрами), с другой — самоорганизационными тенденциями по модернизации профильных и значимых региональных отраслей в

западном российском порубежье, а также в Каспийском бассейне. Наиболее явные, завершенные контуры (в плане выстраивания устойчивого трансграничного взаимодействия) обрел при этом базирующийся в Ленинградской области (г. Выборг) и одновременно Финляндии (г. Хельсинки) дуоцентрический кластер судостроения и судоремонта (в рамках АО «ОСК»), представленный ПАС «Выборгский судостроительный комплекс», «Арктэк Хельсинки шипъярд» и «Хиеталахти» в качестве основных своих «ядер притяжения» [23].

Существенная группа идентифицированных в приморских регионах кластеров, функционируя во взаимодействии с отраслями и предприятиями морехозяйственного комплекса, имеет «рыночно-сервисный» характер притяжения к морю (определим его как *«вторичную производственную талассоаттрактивность»*). Типологически родственны им кластеры, локализованные в крупнейших поселенческих центрах, расположенных на побережье (*локализационная талассоаттрактивность*).

Процесс кластерообразования в данном сегменте обусловлен рядом взаимосвязанных тенденций, среди которых наибольшую роль сыграли восстановление оборонно-промышленного комплекса в морской сфере, что повлекло за собой потребность в сопутствующем наукоемком продукте, порождая соответствующий госзаказ, а также необходимость в импортозамещении на внутреннем рынке в гражданской сфере морских отраслей. Подчиненное общемировым трендам образование IT-кластеров, а также кластеров наукоемкого машиностроения сочетается с их структурированием на субкластеры, и это отражает объективную тенденцию к повышению разнообразия и более узкой специализации итогового продукта, его усложнению. Показательно, что даже в Калининградской области, специфическом эксклавном регионе, где «критическая масса» производителей и потенциальных потребителей не столь велика, изначально формируются три относительно самостоятельных кластера в сфере IT-производства, со специализацией на коммуникационных технологиях и оборудовании, разработке и внедрении программного обеспечения, а также развлекательных IT-технологиях. Несмотря на незначительные позиции в экономике региона, отдельные кластеры данной категории призваны сыграть важную роль в необходимом преодолении гиперцентрализации производства в региональном центре и привлечении высококвалифицированных кадров в восточную часть области — г. Гусев и смежные населенные пункты.

В Ростовской области (где также наблюдается активное формирование IT-кластера) подразделения на субкластеры еще не произошло, а имеющийся в регионе потенциал способен достичь критической для кластерогенеза массы лишь в условиях многопрофильности. В сфере наукоемкого машиностроения здесь имеют место обе тенденции: как узкая специализация кластерного продукта (кластер «Морские системы» г. Таганрога), так и напротив — комбинаторная мультипликация идей и технологий при кооперации предприятий различной специализации (таковым является кластер «Южное созвездие», продукт которого

в равной мере разрабатывается для оборонно-промышленного комплекса и гражданской сферы, отраслей космического и морского авиастроения, приборостроения и пр.). Характерно, что для небольших узкоспециализированных кластеров критическая масса участников для обеспечения кластерного эффекта достигается уже при наличии 5—10 предприятий, в то время как для многопрофильных она составляет около 20—30.

Потенциальные протокластерные образования в сфере IT-технологий имеются на данный момент в экономике Санкт-Петербурга; в области приборостроения — в Севастополе. К рассматриваемой типологической группе (именно в ней наиболее велик уровень группового кластерного самосознания экономических субъектов, представленный наличием оформленных кластерных центров — институтов развития либо ассоциаций IT-производителей, общественных советов, клубов директоров и аналогичных институциональных структур) могут быть также отнесены потенциальные горно-туристический и строительный кластеры Краснодарского края. Вторичной производственной талассоаттрактивностью характеризуется и металлургический кластер Мурманской области, где тоже повышается роль науки и образования.

Другую многочисленную типологическую группировку образуют также *«морезависимые»* (благодаря факторам локализации и коммуникации) кластеры, базирующиеся на использовании возможностей морского транспорта (*торгово-логистическая талассоаттрактивность*) и функционирующие либо непосредственно в структуре портово-промышленных комплексов, либо (уже на большей дистанции от моря) в пределах хинтерландов (ареалов тяготения) крупных морских портов.

Наиболее выражена торгово-логистическая талассоаттрактивность для подсолнечно-зерновых кластеров Юга России (центрированных прежде всего на Ростовской области и сформировавшихся вокруг наиболее крупных бизнес-структур: «Юг Руси», «АСТОН», «РЗ Агро» и др.), кластера продуктов питания Калининградской области, а также горно-химического кластера Мурманской области, в сбытовой структуре которых существенна доля морских грузоперевозок. Именно данная категория кластеров в первую очередь может быть отнесена к трансактаториальным (либо обладающим потенциалом трансактаториального развития). Относясь к базовым отраслям (для каждого из регионов локализации), они играют значительную (либо доминантную) роль в региональном хозяйстве и в большинстве своем обладают полицентрической или сетевой структурой, включающей от 50 до 80 участников. Расположение ядер по разные стороны акваториального пространства характерно для потенциального кластера сельскохозяйственного машиностроения Ростовской области; подобная стратегия развития связана с необходимостью достижения эффекта масштаба за счет поиска дополнительного зарубежного спроса и, соответственно, приближения производственных центров к потребителю.

Особенностью некоторых локализованных в приморской зоне кластеров является *незначительная торгово-логистическая талассоаттрактивность* (данная категория также может быть обозначена как

кластеры с преобладанием сухопутных связей). Обладая различной степенью «присутствия» в региональной экономике, они относятся к отраслям АПК (в первую очередь — к мясной и молочной промышленности, обслуживающей как местный, так и межрегиональный спрос; таковы производящие мясо индейки и молочные продукты кластеры Ростовской области, овцеводческий кластер Республики Калмыкия; также к данной категории относится инновационный кластер биотехнологий Ростовской области), машиностроения (автомобильный кластер Ленинградской области), лесной промышленности и деревообработки (кластеры Ленинградской и Архангельской областей), мебельный кластер Калининградской области, отдельные сегменты туристического кластера Архангельской области.

Заметим, что свойства трансграничности и трансакваториальности могут быть как имманентны кластерам каждой из вышеобозначенных категорий, так и сохранять свою потенцию в силу благоприятных возможностей межсубъектной интеграции в приморской зоне. Основанием для классификации способны также служить характер и степень взаимоналожения трансграничного и трансакваториального факторов развития, в связи с чем целесообразно идентифицировать: 1) трансграничные трансакваториальные кластеры; 2) трансграничные кластеры без влияния морского фактора; 3) трансакваториальные кластеры, имеющие потенциал для трансграничного развития.

Выстроенная с учетом фактического многообразия представленных в приморских зонах Европейской части России кластерных инициатив, предлагаемая типология позволяет фиксировать ряд важнейших свойств кластерных образований, а также качественные параметры их взаимосвязи с трансграничными и трансакваториальными векторами развития — как в региональном разрезе, так и в координатах отраслевой принадлежности, степени значимости для региональной экономики, специфики территориальной структуры, наличия организационных форм и централизации, интеграции с системой науки, образования и инновационного развития, взаимосвязи с портовыми комплексами и др. Одновременно можно вычленить и характерные особенности пространственной локализации кластеров, корреспондирующие с общественно-географическими реалиями современной России.

Факторы и особенности локализации кластеров в приморских регионах Европейской части России

Глобализация и характерная для постсоветского периода стремительная имплантация России в систему рыночных отношений (дополняемые воздействием агломерационных эффектов, факторов урбанизации и метрополизации) предопределили, с одной стороны, ощутимый «сдвиг к морю» производственной активности, инфраструктуры и населения (симптоматично, что за 1989—2016 годы суммарная числен-

ность населения приморских городов России возросла на 6,2%, или на 794 тыс. человек), с другой — инициировали дальнейшее расслоение приморских зон по уровню и темпам социально-экономической динамики. Процесс экономического кластерообразования на этом фоне наблюдается практически во всех приморских регионах, обретая одновременно выраженную региональную специфику.

Локализация кластеров (особенно с четко выраженными характеристиками трансграничности) имеет место, прежде всего, в зонах основных транспортно-логистических коридоров, обеспечивающих геоэкономическое позиционирование России. Наиболее выражена эта закономерность на российском побережье Балтики — приоритетном для страны (чья внешняя торговля даже в условиях кризиса в отношениях с Западом на 42% ориентирована на Евросоюз), ее внешнеторгового, коммуникационного пространства. Наиболее показательна в этом отношении концентрация кластерных инициатив в Калининградской области, где восемь кластеров идентифицированы как сформировавшиеся и один — как потенциальный.

На кластерогенез в приморских зонах (в том числе на отраслевой профиль кластеров) несомненное влияние оказывают и природно-климатические, ресурсно-хозяйственные характеристики территории. К примеру, в Азово-Черноморской макрорегии преобладают аграрные кластеры, в то время как в Баренц-Беломорской — рыбохозяйственные, горнодобывающие, лесопромышленные. Дополнительным весомым фактором кластерогенеза выступает процесс метрополизации и связанная с ним концентрация населения и инфраструктуры в доминирующих городских центрах: Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Калининграде, Севастополе и др. Наиболее значительными кластерогенными возможностями располагает крупнейший (в масштабе всей приморской зоны России) центр демографического и экономического потенциала — Санкт-Петербургский приморский регион; симптоматично, что именно здесь сформировались четыре крупных, общероссийского значения кластера: судостроительный, портовохозяйственный, лесохозяйственный, автомобилестроения (см. рис.).

Характерные для экономики г. Санкт-Петербурга, Ленинградской и Архангельской областей синхронные и ярко выраженные процессы кластерообразования как в морских отраслях, так и в сопряженных с ними сферах вызваны также локализацией и развитием предприятий ОПК. При этом наукоемкие отрасли вторичной талассоаттрактивности данных регионов либо встроены в единую кластерную структуру, либо еще не подверглись кластеризации.

В Каспийском макрорегионе в силу большей (чем на побережьях Балтики, Краснодарского края, а также в устье Дона) «разреженности» экономического пространства субъекты экономики слабее охвачены кластерогенными процессами, однако последние проявили себя преимущественно именно в отраслях первичной талассоаттрактивности (за исключением Республики Калмыкия). То же относится и к приморским зонам Республики Крым и Севастополя.

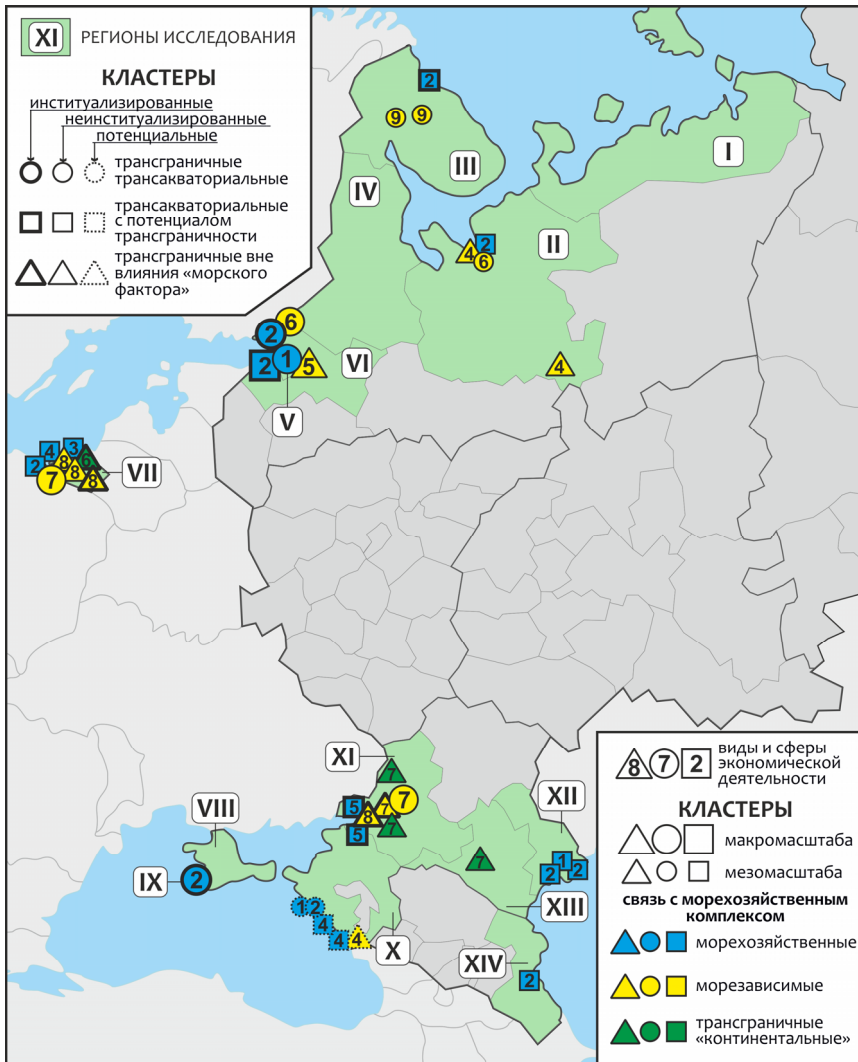

Рис. Локализация трансконтинентальных кластеров

в приморских регионах Европейской части России:

- Приморские регионы: I — Ненецкий АО; II — Архангельская область;
 III — Мурманская область; IV — Республика Карелия; V — Санкт-Петербург;
 VI — Ленинградская область; VII — Калининградская область; VIII — Республика Крым;
 IX — Севастополь; X — Краснодарский край; XI — Ростовская область;
 XII — Астраханская область; XIII — Республика Калмыкия; XIV — Республика Дагестан.
- Виды и сферы экономической деятельности: 1 — портовое хозяйство и судоходство;
 2 — судостроение и судоремонт; рыболовство и марикультура; 3 — добыча полезных
 ископаемых на шельфе; 4 — туристско-рекреационный комплекс;
 5 — машиностроение; 6 — химия и лесная промышленность; 7 — аграрно-промышленный
 комплекс; 8 — IT-сектор; 9 — металлургия и горно-химическая промышленность

Составлен авторами.

Существенное влияние на кластерогенез оказывают и локальные условия бизнес-среды в ее непосредственном взаимодействии с региональной административной элитой. Характерно, что при практическом отсутствии реально сформировавшихся кластеров в Краснодарском крае (где имеет место преимущественно холдинговая модель интеграции, а кластерогенному процессу препятствуют институциональные факторы и особенности деловой среды региона) соседняя Ростовская область выступает лидером как по числу институционально оформленных кластерных инициатив, так и кластеров, имеющих пролонгированный (более чем десятилетний) опыт функционирования (при этом большинство кластеров не относятся к отраслям первичной производственной талассоаттрактивности, однако испытывают влияние «приморского» фактора, обслуживая таковые либо используя их торгово-логистический потенциал).

Существенны для кластерогенеза и присущие отдельным сегментам приморской зоны особые геополитические и геоэкономические условия функционирования экономики. Речь в данном случае идет о специфике Крыма и Калининградской области, где при наличии выраженных общих черт (географической эксклавности-анклавности, большей зависимости от международного контекста, наличия особых хозяйственно-правовых режимов) процессы кластерогенеза, тем не менее, существенно различаются. В Крыму они ограничены прямым действием экономических санкций, наличием все еще имеющихся институциональных барьеров включения в общероссийское экономическое пространство, а также приходом крупного инорегионального капитала, нивелирующего местный организационный потенциал. В Калининградской области, напротив, уже наработан многолетний опыт центрo-периферийного взаимодействия как с «большой Россией», так и с сопредельными государствами. В результате сами кластерогенные импульсы во многих случаях поступают извне, а образующиеся кластеры обретают трансграничный (трансакваториальный) характер. Аналогичные тенденции имеют место и в регионах севера Европейской части России.

Заключение

Формирующиеся в приморских зонах трансграничные кластеры имманентны экономике Российской Федерации; в их состояниях и характеристиках отражаются ее (экономики) разноаспектные (ситуационные и фундаментальные) дефекты, проблемные ситуации, слабые места (от фактического недоиспользования морского фактора в территориально-хозяйственной динамике до гипертрофированного «сырьевого крена», увода активов и прибыли за пределы российской юрисдикции). Потенциал (равно как и риски) трансграничной кластеризации при этом наиболее существенны на побережьях морей компактных, с извилистой, инфраструктурно обустроенной береговой линией, окруженных высокоразвитыми странами и регионами с существенным уровнем взаимной экономической и культурной интеграции. Применительно к Европейской части России речь идет о Балтийском и, отчасти, Черном и Азовском морях. Именно здесь, в центрo-периферийной архитектуре

морских трансграничных метарегионов (полицентрической лишь на Балтике), наиболее существенен масштаб включения приморских зон РФ в транснациональные интеграционные процессы; столь же велика и вероятность закрепления за российскими приморскими территориями периферийно-полупериферийного статуса. Это требует предельно пристального внимания к процессам трансграничной кластеризации (в особой мере — в таком геостратегически значимом для России регионе, как Калининградская область), их векторам, геоэкономическим и геополитическим эффектам, проекции на региональную идентичность.

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект 15-18-10000 «Трансграничное кластерообразование в динамике экономических и селитебных систем приморских территорий Европейской России»).

Список литературы

1. *Трансграничное кластерообразование в приморских зонах европейской части России: факторы, модели, экономические и экзистенциальные эффекты* : монография / Южный федеральный университет ; под ред. А.Г. Дружинина. Ростов н/Д, 2017.
2. *Фёдоров Г.М., Корнеев В.С.* Социально-экономическая типологизация приморских регионов России // Балтийский регион. 2015. №4 (26). С. 121—134.
3. *Fedorov G.M., Kuznetsova T. Yu., Razumovskii V.M.* How the Proximity of the Sea Affects Development of Economy and the Settlement Pattern in Kaliningrad Oblast // Regional Research of Russia. 2017. Vol. 7, №4. P. 352—362.
4. *Стратегия национальной безопасности России*. М., 2015. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/president> (дата обращения: 31.08.2017).
5. *Дружинин А.Г.* Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №2. С. 28—43.
6. *Дружинин А.Г.* «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Сер. географическая. 2016. №6. С. 7—16.
7. *Slack B.* The port service industry in an environment of change // Geoforum. 1989. №20 (4). P. 447—457.
8. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations. N. Y., 1990.
9. *Enright M.J., Roberts B.H.* Regional clustering in Australia // Australian Journal of Management: Special Issue. 2001. №26. P. 65—86.
10. *Lofgren O.* Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia // European Urban and Regional Studies. 2008. №15. P. 195—209.
11. *Lundquist K.-J., Tripp M.* Distance, Proximity and Types of Cross-border Innovation Systems: A Conceptual Analysis // Regional Studies. 2011. №1. P. 11.
12. *Broek J., Smulders H.* The evolution of a Cross-Border Regional Innovation System: An Institutional Perspective // Conference paper RSA European Conference. Tampere, 2013.
13. *McDonald F., Tsagdis D., Huang D.* The development of industrial clusters and public policy // Entrepreneurship and Regional Development. 2006. Vol. 18 (6). P. 525—542.
14. *Важенин С.Г., Сухих В.В.* Трудности становления кластеров в России // Экономика региона. 2009. №2. С. 169—179.

15. *Котлярова С. Н.* Практика формирования кластеров в регионах России // Региональная экономика: теория и практика. 2012. №24. С. 29—39.
16. *Зелинская Е. З.* Региональные трансграничные кластеры как формы современных систем управления в реальном секторе экономики // Псковский регионалогический журнал. 2013. №16. С. 12—18.
17. *Гохберг Л. М., Шадрин А. Е., Абашкин В. Л. и др.* Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации. М., 2013.
18. *Кластеры* в федеральном законодательстве и законодательстве города Москвы // ТПП РФ по развитию субконтрактации и кластерных технологий. URL: <http://promcluster.ru/index.php/about-zak-cls/139-klasteri-v-zakonodatelstve.htm> (дата обращения: 28.08.2017).
19. *Концепция* долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_n1662_red_08.08.2009, <http://promcluster.ru/index.php/about-zak-cls/139-klasteri-v-zakonodatelstve.htm> (дата обращения: 28.08.2017).
20. *Бильчак В. С., Бильчак М. В.* Интеграция как доминанта развития приграничных регионов // Актуальные вопросы экономических наук. 2015. №47. С. 109—114.
21. *Батурова Г. В.* Региональные морехозяйственные кластеры как основа социально-экономического развития приморских территорий // Транспортное дело России. 2012. №6(2). С. 40—42.
22. *Walerud C., Viachka A.* Transnational networks of cluster organizations. Stockholm, 2007.
23. *Объединенная* судостроительная корпорация. URL: <http://www.oaosk.ru/about/> (дата обращения: 25.08.2017).

Об авторах

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

Василиса Васильевна Горочная, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: tunduk@hotmail.com

Николай Владимирович Гонтарь, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: passat01@mail.ru

Игорь Андреевич Дец, кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт географии СО РАН, Россия.

E-mail: igordets@ya.ru

Станислав Сергеевич Лачининский, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: lachininsky@gmail.com

Андрей Сергеевич Михайлов, кандидат географических наук, заместитель директора, старший научный сотрудник Центра анализа и стратегического планирования, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AndrMikhailov@kantiana.ru

Для цитирования:

Дружинин А. Г., Горочная В. В., Гонтарь Н. В., Дец И. А., Лачининский С. С., Михайлов А. С. Трансграничные кластеры в приморских зонах Европейской части России: инвентаризация, типологизация, идентификация факторов и перспектив развития // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 29—44. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-2.

TRANSBOUNDARY CLUSTERS IN THE COASTAL ZONES
OF THE EUROPEAN PART OF RUSSIA:
INVENTORY, TYPOLOGY, FACTORS, AND PROSPECTS

A. G. Druzhinin¹

V. V. Gorochnya¹

N. V. Gontar¹

I. A. Dets²

S. S. Lachininskiy³

A. S. Mikhailov⁴

¹ Southern Federal University

105 B. Sadovaya ul. Rostov-on-Don, 344006, Russia

² Institute of Geography of the Siberian Branch of the RAS

1 Uln-Batorskaya ul., Irkutsk, 664033, Russia

³ Saint Petersburg State University

7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034 Russia

⁴ Immanuel Kant Baltic Federal University.

14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on July 09, 2017

This article presents an inventory and a typology of the existing and emerging economic clusters in the coastal zone of the European part of Russia. The authors hold that transboundary clustering takes priority in the Baltic coastal region — nine of the 56 clusters identified are located in the Kaliningrad region and another eight in Saint Petersburg and the Leningrad region. The authors describe major catalysts and immanent inhibitors in coastal zones. The former include a high density of coastal economies, proximity to international markets, and better logistics and communications. The inhibitors comprise geopolitical risks and institutional barriers. It is shown that the potential and prospects of transboundary clustering are affected by both global integration and disintegration patterns, coastal infrastructure, geopolitical and geoeconomic 'neighbourhood', cultural excellence, and business and investment environment.

Key words: economic cluster, coastal zone, transboundary cluster, cross-aquatic cluster, European Russia, Baltic region

References

1. Druzhinin, A.G. (ed.) 2017, *Transgranichnoe klasteroobrazovanie v primorskikh zonakh Evropeiskoi chasti Rossii: faktory, modeli, ekonomicheskie i ekstiticheskie efekty* [Transboundary cluster formation in the coastal zones of the European part of Russia: factors, models, economic and telecommunication effects], Rostov-on-Don, 421 p. (in Russ.)
2. Fedorov, G.M., Korneevets, V.S. 2015, Socioeconomic typology of Russia's coastal regions, *Balt. Reg.*, Vol. 7, no. 2, p. 89—101. doi: 10.5922/2079-8555-2015-4-7.
3. Fedorov G. M., Kuznetsova T. Yu., Razumovskii V. M. 2017, How the Proximity of the Sea Affects Development of Economy and the Settlement Pattern in Kaliningrad Oblast, *Regional Research of Russia*, Vol. 7, no. 4, p. 352—362.
4. *Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossii* [The National Security Strategy of Russia], 2015, Moscow, available at: [http://publication.pravo.gov.ru/Signatory Authority/president](http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/president) (accessed 31.08.2017) (in Russ.)
5. Druzhinin, A.G. 2017, The coastalisation of population in today's Russia: A sociogeographical explication, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 28—43.
6. Druzhinin, A. G. 2016 "Marine component" of Russian social geography: traditions and innovations, *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Regional Research of Russia], no. 6, p. 7—16. (in Russ.)
7. Slack, B. 1989, The port service industry in an environment of change, *Geoforum*, Vol. 20, no. 4, p. 447—457.
8. Porter, M. E. 1990, *The Competitive Advantage of Nations*, New York.
9. Enright, M. J., Roberts, B. H. 2001, Regional clustering in Australia, *Australian Journal of Management*, Special Issue, no. 26, p. 65—86.
10. Lofgren, O. 2008, Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia, *European Urban and Regional Studies*, no. 15, p. 195—209.
11. Lundquist, K.-J., Trippel, M. 2011, Distance, Proximity and Types of Cross-border Innovation Systems: A Conceptual Analysis, *Regional Studies*, no. 1, p. 11.
12. Broek, J., Smulders, H. 2013, The evolution of a Cross-Border Regional Innovation System: An Institutional Perspective, *Conference paper RSA European Conference*, Tampere.
13. McDonald, F., Tsagdis, D., Huang, D. 2006, The development of industrial clusters and public policy, *Entrepreneurship and Regional Development*, Vol. 18, no. 6, p. 525—542.
14. Vazhenin, S. G., Sukhikh, V. V. 2009, Difficulties in the formation of clusters in Russia, *Ekonomika regiona* [Economy of the region], no. 2, p. 169—179. (in Russ.)
15. Kotlyarova, S. N. 2012, The practice of forming clusters in the regions of Russia, *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], no. 24, p. 29—39. (in Russ.)
16. Zelinskaya, E.Z. 2013, Regional cross-border clusters as forms of modern management systems in the real sector of the economy, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal], №16, p. 12—18. (in Russ.)
17. Gokhberg, L.M., Shadrin, A.E., Abashkin, V.L., Goland, L.M., Kutsenko, E.S., Rudnik, P.B. 2013, *Pilotnye innovatsionnye territorial'nye klastery v Rossiiskoi Federatsii* [Pilot Innovative Territorial Clusters in the Russian Federation], Moscow. (in Russ.)
18. Clusters in the federal legislation and the legislation of the city of Moscow, CCI RF on the development of subcontracting and cluster technologies, available at: <http://promcluster.ru/index.php/about-zak-cl/139-klasteri-v-zakonodatelstve.htm> (accessed 28.08.2017). (in Russ.)

19. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020, available at: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_n1662_red_08.08.2009 <http://promcluster.ru/index.php/about-zak-cl/139-klasteri-v-zakonodatelstve.htm> (accessed 28.08.2017). (in Russ.)
20. Bilchak, V. S., Bilchak, M. V. 2015, Integration as a dominant development of border regions, *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk* [Topical issues of economic sciences], no. 47, p. 109—114. (in Russ.)
21. Baturova, G. V. 2012, Regional sea economic clusters as a basis for socio-economic development of coastal areas, *Transportnoe delo Rossii* [Transport business in Russia], no. 6 (2), p. 40—42. (in Russ.)
22. Walerud, C., Viachka, A. 2007, *Transnational networks of cluster organizations*, Stockholm.
23. United Shipbuilding Corporation, available at: <http://www.oaosk.ru/about/> (accessed 25.08.2017). (in Russ.)

The authors

Prof Aleksander G. Druzhinin, Director, North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia.
E-mail: alexdru9@mail.ru

Dr Vasilisa V. Gorochnya, Research Fellow, North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia.
E-mail: tunduk@hotmail.com

Dr Nikolay V. Gontar, Research Fellow, North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia.
E-mail: passat01@mail.ru

Dr Igor A. Dets, Research Fellow, the Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.
E-mail: igordets@ya.ru

Dr Stanislav S. Lachininskiy, Associate Professor, the Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Russia.
E-mail: lachininsky@gmail.com

Dr Andrei S. Mikhailov, Deputy Director/Senior Research Fellow, the Centre for Analysis and Strategic Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: AndrMikhailov@kantiana.ru

To cite this article:

Druzhinin A. G., Gorochnya V. V., Gontar N. V., Dets I. A., Lachininskiy S. S., Mikhailov A. S. 2017, Transboundary Clusters in the Zoastal Cones of the European Part of Russia: Inventory, Typology, Factors, and Prospects, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 29—44. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-2.